

Политика

Участие КНР в глобальном управлении: исторический фон и современный этап

© 2020

Я.В. Лексютина

Одним из важных направлений внешнеполитической деятельности современного Китая, нарастившего значительную финансово-экономическую мощь и амбиции на мировой сцене, стало расширение и укрепление его роли и места в глобальном управлении. В статье выделяются и характеризуются основные этапы вовлеченности КНР в глобальное управление в течение прошедших с момента образования государства 70 лет; анализируются изменения в участии Китая в глобальном экономическом управлении и глобальном управлении в сфере безопасности.

Ключевые слова: глобальное управление, Китай, международная система, мировой порядок, международная ответственность, возвышение Китая.

DOI: 10.31857/S013128120009750-6

На фоне существенного укрепления позиций Китая в мировой экономике и политике все более возрастающее значение в китайском внешнеполитическом дискурсе приобретают вопросы наращивания ответственности КНР как великой державы перед мировым сообществом и расширения ее участия в глобальном управлении. На современном этапе занятие весомой роли в глобальном управлении стало одним из главных направлений внешнеполитической деятельности Китая. Под глобальным управлением — термином, к которому Председатель КНР и китайские высокопоставленные официальные лица прибегают все чаще, — подразумевается осуществляемое мировым сообществом совместное управление мировыми делами в целях обеспечения мира, стабильности, процветания и решения глобальных вопросов¹. Базирующееся на совокуп-

Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: lexuana@ya.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016-ОГН.

1. Глобальное управление: возможности и риски / под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 217.

ности правил, принципов и норм, глобальное управление нацелено на повышение управляемости мировой экономикой и международными отношениями. Действуя через разнообразные формальные и неформальные международные структуры и институты, государства регулируют различные виды отношений и сферы деятельности в целях поддержания мирового порядка. Существенным аспектом участия государств в глобальном управлении при этом являются их взаимодействие с международными институтами и линия поведения в них¹. Распространение в Китае представления о том, что сильные государства создают международные институты, правила и нормы, а система глобального управления является результатом распределения силы между государствами², приводят к развитию идеи о том, что значительно усилившийся Китай призван играть в этом управлении все большую роль.

Периодизация участия Китая в глобальном управлении

КНР прошла несколько этапов взаимодействия с международной системой и участия в глобальном управлении. В 1950-х – 1970-х годах — на первом этапе — Китай сохранял дистанцированность от международной системы и участия в нем. В тот период на мировой арене Пекин руководствовался задачами оказания и расширения поддержки мировому революционному движению и развивающимся странам и зачастую проводил политику, противоречащую интересам западных держав, доминировавших в международной системе и управлении ею. С 1949 по 1971 г. Китай подписал всего 6 многосторонних международных договоров — пять документов в 1952 г. (Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 г.) и один в 1958 г. (Конвенцию для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок)³.

Постепенное, очень осторожное и весьма медленное вхождение КНР в международную систему начинается только с 1971 г., когда Китаю удалось прорвать международную изоляцию, восстановив свое членство в ООН и заняв свое место в ее Совете Безопасности. В течение 1970-х годов — на втором этапе взаимодействия с международной системой и участия в глобальном управлении — Китай обретает членство в целом ряде международных организаций, в большинстве своем аффилированных с ООН. С 1966 г., когда Китай был членом всего лишь одной международной организации, по 1977 г. он расширил свое участие до 21 международной организации⁴.

Третий этап взаимодействия Китая с международной системой и участия Пекина в глобальном управлении приходится на конец 1970-х — конец 1990-х годов. Только в конце 70-х с началом «политики реформ и открытости», обусловившей необходимость существенного расширения внешних связей, Пекин взял курс на инкорпорирование и в международную систему и, соответственно, расширение вовлеченности в международные организации и различные международно-правовые режимы. В течение 1979 г. Китай

1. Liu Hongsong. China's proposing behavior in global governance: the cases of the WTO Doha round negotiation and G-20 process // Rev. Bras. Polit. int. 2014. Vol. 57. P. 121. DOI: 10.1590/0034-7329201400208.
2. Hart M., Johnson B. Mapping China's global governance ambitions. 28.02.2019. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2019/02/28/466768/mapping-chinas-global-governance-ambitions/> (accessed 11 July 2019).
3. Multilateral treaties to which China is a party or which China has signed (1875–2000). URL: <http://www.china-un.org/eng/zghlhg/flsw/t28583.htm> (accessed 01 May 2019).
4. Chan G. China's compliance in global affairs: trade, arms control, environmental protection, human rights. Singapore: World Scientific Publishing, 2006. P. 46.

подписал 10 многосторонних договоров, в следующем году — 18, а в 1984 г. — рекордные 21 договор. Пик заключенных Пекином международных многосторонних договоров пришелся именно на 1980-е годы.

Тогда же Китай стал присоединяться все к большему числу различных международных организаций, уже не только аффилированных с ООН. Однако достаточно длительное время в международных организациях Пекин придерживался линии пассивного наблюдателя, крайне редко проявляя свою позицию по вопросам их повестки дня и редко внося собственные предложения и инициативы. Это было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, с основополагающим принципом «держаться в тени» (韬光养晦, «таогуан янхуэй»), лежавшим в основе внешней политики Китая того времени¹. Во-вторых, с тем, что национальные интересы Китая тогда не имели глобального характера и затрагивали главным образом вопросы его внутреннего развития и взаимодействия с соседними странами. В-третьих, как отмечают некоторые исследователи², китайские представители в международных организациях, как правило, недостаточно хорошо владели иностранными языками и не имели обширного опыта участия в работе международных структур.

В апреле 1980 г. Китай восстановил членство в Международном валютном фонде (МВФ) и Всемирном банке, и в марте 1986 г. присоединился к крупному региональному многостороннему банку³ — Азиатскому банку развития. Сотрудничество с этими финансовыми институтами открыло Китаю широкие возможности для крупных заимствований, необходимых для осуществления масштабной национальной программы экономических преобразований.

С течением времени, по мере расширения экономической открытости и реформирования национальной экономики Китай постепенно принял ряд основных характеристик международной экономической системы, в том числе экономическую глобализацию, принципы свободной торговли и свободного перемещения капитала. Пекин встал на путь постепенного открытия внутреннего рынка для внешних игроков при сохранении определенных тарифных и нетарифных барьеров в торговле и ограничений на иностранные инвестиции в отдельных отраслях китайской экономики (в том числе в банковской сфере, сфере страхования, топливно-энергетической, инфраструктурной и пр.) и выхода на внешние рынки (сначала — товарные, а затем — рынки услуг и капиталов).

При этом Китай присоединялся не только к организациям, занимающимся финансово-экономическими вопросами, но и к режимам, регулирующим вопросы миротворчества, разоружения и контроля над вооружениями. Именно в 1980-х годах проявилась заинтересованность Китая в участии в миротворческой деятельности ООН⁴. Впер-

-
1. *Портяков В.Я.* О современной внешней политике КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 14.
 2. *Kennedy Sc.* Global governance and China: the dragon's learning curve. New York: Routledge, 2018.
 3. Китай также присоединился к целому ряду других многосторонних банков развития, но уже в роли инвестора: Африканскому банку развития (в 1985 г.), Карибскому банку развития (1997 г.), Банку торговли и развития Восточной и Южной Африки (2000 г.), Восточно-Африканскому банку развития (2004 г.), Межамериканскому банку развития (2008 г.) и, наконец, Европейскому банку реконструкции и развития (2016 г.). См.: *Лексютина Я.В.* Функциональные изменения участия Китая в многосторонних банках развития: от заемщика к кредитору // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 80–98. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-05.
 4. Со времен Корейской войны 1950–1953 гг., когда воевавшие на стороне Северной Кореи китайские добровольцы фактически противостояли миротворческим силам ООН в Южной Корее, Китай на протяжении нескольких десятилетий занимал антагонистическую позицию по отношению к миротворчеству ООН, ставя легитимность таких миссий под вопрос. Миротворческие

вые он голосовал в Совете Безопасности ООН по миротворческой повестке в 1981 г. (резолюция СБ ООН 495). С 1982 г. Пекин стал делать взносы в фонд миротворческих операций ООН. В 1988 г. Китай вошел в состав Специального комитета ООН по операциям по поддержанию мира. А в 1989 г. впервые направил своих военных наблюдателей с миротворческой миссией в Намибию и с тех пор стал планомерно расширять свое участие в миротворческих операциях.

С конца 1980-х — начала 1990-х Китай начинает подключаться к международным режимам разоружения, нераспространения ядерного оружия и контроля над вооружениями¹. Пекин подписал несколько ключевых многосторонних документов в этой области: в 1984 г. — Конвенцию о запрещении биологического оружия, в 1989 г. — Конвенцию о физической защите ядерного материала, в 1992 г. — Договор о нераспространении ядерного оружия, в 1993 г. — Конвенцию о запрещении химического оружия, в 1996 г. — Конвенцию о ядерной безопасности и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний², а в 2006 г. — Объединенную конвенцию безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами. В 1984 г. Китай присоединился к Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ), в 1997 г. — к Комитету Цангера (Комитету ядерных экспортеров), а в 2004 г. — к Группе ядерных поставщиков³. Вместе с тем Пекин нередко становился объектом критики со стороны США за нарушение режима нераспространения и взятых на себя в соответствии с конвенциями обязательств. В частности, китайские компании неоднократно обвинялись в продаже технологий и продукции двойного назначения Пакистану, Ирану и Северной Корее, способствующих развитию ядерных и ракетных программ этих стран⁴. Хотя данная проблема звучала весьма остро в 1990-х годах и в течение первых полутора десятилетий XXI века, даже сейчас продолжает раздаваться критика в адрес отдельных китайских предприятий в связи с обвинениям в нарушении ими режима нераспространения.

Вплоть до настоящего момента Китай не подписал ни одного договора об ограничении обычных и ядерных вооружений, не присоединился к Вассенаарским соглашениям по контролю над экспортом технологий двойного назначения и обычных вооружений, Оттавской конвенции по применению мин, Инициативе по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения⁵. Китай является одним из

операции рассматривались тогда Пекином как грубое вмешательство во внутренние дела государств и нарушение их государственного суверенитета. Даже после восстановления своего членства в ООН в 1971 г. Пекин длительное время воздерживался от голосования в Совете Безопасности ООН по вопросам, связанным с миротворческими операциями.

1. В годы холодной войны Китай выступал против контроля над вооружениями, рассматривая его как способ сохранения гегемонии сильнейших государств и слабости остальных стран. В 1960-е годы Китай даже заявлял о своей поддержке распространения ядерного оружия как методе сдерживания гегемонии сверхдержав.
2. Однако Китай, как и США, его не ратифицировал до сих пор.
3. Участие Китая в многосторонних механизмах режима нераспространения ядерного оружия. URL: <https://www.pircenter.org/static/uchastie-kitaya-v-mnogostoronnih-mehanizmah-rezhima-nerasprostraneniya-yadernogo-oruzhiya> (accessed 09 September 2019).
4. Грант Ч. Россия, Китай и проблемы глобального управления. Москва: Моск. Центр Карнеги, 2012. С. 89–90; *Kan Sh.* China and proliferation of weapons of mass destruction and missiles: policy issues. CRS report. 5.01.2015. URL: <https://china.usc.edu/sites/default/files/legacy/AppImages/crs-2015-china-weapons-proliferation.pdf> (accessed 17 September 2019).
5. Глобальное управление: возможности и риски... С. 234–235.

тех постоянных членов Совета Безопасности ООН, чей ядерный арсенал продолжает увеличиваться.

В целом, с конца 1970-х по конец 1990-х годов Китай достаточно успешно инкорпорировался в международные организации и различные многосторонние правовые режимы. В декабре 2001 г., после длительного подготовительного периода, понадобившегося Пекину для согласования условий своего вхождения в ВТО и осуществления требующихся экономических преобразований, Китай стал членом этой организации. Принято считать, что именно это событие знаменовало полную интеграцию Китая в международную систему. Так, к 2001 г. Китай подписал уже более 220 многосторонних договоров¹, 87% которых были подписаны после 1979 г. К 2003 г. Китай присоединился к 41 международной правительственной организации, в количественном отношении почти приблизившись к уровню участия в них США².

С 2001 г. берет отсчет *четвертый этап участия Китая в глобальном управлении (2001–2008 гг.)*. На этом этапе вовлеченность Пекина в глобальное управление характеризовалась участием КНР в международных институтах в качестве рядового члена, соблюдением Китаем установленных в мировом сообществе правил и норм поведения, а также выполнением взятых на себя обязательств в соответствии с международными договорами, конвенциями, соглашениями и пр. Более того, включаясь в работу уже функционировавших международных институтов, Пекин начинает присоединяться к инициативам создания новых международных институтов и механизмов, становясь их соучредителем. Так, в феврале 2001 г. КНР и 25 азиатских государств учреждают Азиатский форум Боао³ — аналог Всемирного экономического форума в Давосе. Во многом знакомым событием для Пекина стало размещение штаб-квартиры этого форума в китайском городе Боао (провинция Хайнань). А в июне 2001 г. Китай совместно с Россией и четырьмя центральноазиатскими государствами основали новую международную организацию — Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Начало пятого этапа было связано с развитием мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. и приходом в 2013 г. к власти в КНР пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином. Именно после начала мирового финансово-экономического кризиса весьма отчетливо проявляются намерения значительно усилившего свою финансово-экономическую мощь Китая расширить его роль и влияние в глобальном экономическом управлении, способствовать реформированию или, как часто указывает китайская сторона, совершенствованию системы глобального управления. Мировой финансово-экономический кризис, проявивший слабости международной финансово-экономической системы и системы глобального экономического управления, рост нестабильности в мире, появление и развитие нетрадиционных угроз безопасности дали Пекину сильные аргументы в поддержку призывов к реформированию глобального управления, уже не справляющегося с регулированием мировых процессов, и обеспечению стабильности, устойчивого роста и процветания в мире.

1. Multilateral treaties to which China is a party or which China has signed (1875–2000). URL: <http://www.china-un.org/eng/zghlhg/flsw/t28583.htm> (accessed 01 May 2019).
2. Xie Zhihai. The rise of China and its growing role in international organizations // ICCS Journal of Modern Chinese Studies. 2011. Vol. 4 (1). P. 88.
3. Идея создания Азиатского форума была высказана в сентябре 1998 г. экс-президентом Филиппин Ф. Рамосом, бывшим премьер-министром Австралии З. Хоуком и бывшим премьер-министром Японии М. Хосокавой.

Китай и реформирование глобального экономического управления: 2008–2016 гг.

На момент развития мирового финансово-экономического кризиса в Китае уже полностью оформились представления о настоятельности реформирования международной экономической системы. Последовавшие с разницей в десятилетие два экономических кризиса — азиатский финансово-экономический кризис 1997–1998 гг. и мировой финансово-экономический кризис 2008 г. — свидетельствовали об ограниченной эффективности существующей международной экономической системы и способности ее системообразующих институтов купировать и преодолевать экономические кризисы. Более того, приняв базовые принципы существующей международной экономической системы, получая от участия в ней экономические дивиденды и, соответственно, будучи заинтересованным в ее сохранении, Китай был недоволен отдельными ее характеристиками, в особенности западноцентричностью этой системы и глобального экономического управления.

Начавшая приобретать свои очертания в 1940-х годах, когда развивающиеся страны ввиду своего низкого уровня экономического развития, ограниченного вклада в мировую экономику и особенностей внешнеполитических приоритетов не участвовали в формулировании регулирующих мировые экономические процессы правил и принципов, международная экономическая система была создана ведущими развитыми странами, закрепившими за собой особый статус в управлении мировой экономикой и финансами. С течением времени, по мере появления новых центров мирового экономического развития на рубеже XX–XXI в. (так называемых динамично развивающихся стран с формирующимися рынками), система глобального экономического управления перестала адекватно отражать сложившееся соотношение сил в мировой экономике.

На волне развития мирового экономического кризиса 2008 г. Китай в сотрудничестве с другими развивающимися странами стал оказывать давление на ведущие развитые страны в направлении реформирования международной экономической системы и пересмотра существующих правил принятия решений в области глобального экономического управления. Одним из векторов усилий Пекина стало укрепление роли Китая в системообразующих финансовых институтах (МВФ и Всемирном банке). Возросший вклад Китая в мировую экономику и мировое экономическое развитие не соответствовал 6-й позиции этой второй мировой экономики в списке крупнейших по размеру квот и праву голоса стран МВФ и Всемирного банка. Такое несоответствие объективной роли Китая в мировой экономике его месту в глобальном экономическом управлении было частично устранено в 2010 г., когда Всемирный банк и МВФ приняли решения о реформировании своих систем представительства. Однако, хотя принятые решения и означали укрепление роли Китая в МВФ и Всемирном банке до третьего по величине квот и права голоса государства после США и Японии, но не в полной мере отвечали стремлениям Пекина занять 2-е место среди стран-акционеров и ограничить право вето, которым по-прежнему продолжал пользоваться Вашингтон.

Между тем в качестве важного позитивного сдвига в глобальном экономическом управлении, последовавшего вслед за развитием мирового экономического кризиса 2008 г., в Китае было расценено становление саммитов «Группы двадцати» как механизма обсуждения и выработки мер по преодолению мирового экономического кризиса и выхода из экономической рецессии. Трансформация диалогового форума «Группы двадцати» из встреч министров соответствующих двадцати экономик в механизм регулярных саммитов лидеров ведущих экономик мира, постепенное снижение роли «Группы семи»/«Группы восьми» при превращении «Группы двадцати» в основную площадку для

выработки мер макроэкономического регулирования и обсуждения проблем мировой экономики интерпретировались как происходящий переход от «глобального экономического управления под руководством Запада или США» к «совместному управлению Западом и Востоком»¹.

Более того, «Группа двадцати», объединившая девять развитых и одиннадцать развивающихся стран, представляла для Китая оптимальную платформу для участия в глобальном экономическом управлении. В отличие от «Группы семи»/«Группы восьми», присоединение к которой потенциально могло иметь ряд негативных последствий и издержек для Китая (возможное возникновение диссонанса в отношениях Китая с развивающимся миром, на лидерство в котором он претендует; вероятная «неполноценность» участия Китая как следовало из опыта участия России в «Группе восьми»; необходимость взятия на себе дополнительной международной ответственности, которую Китай как развивающаяся страна не готов был принять²), «Группа двадцати» позволяла Пекину участвовать в глобальном экономическом управлении на равных с ведущими развитыми странами и в тесном сотрудничестве с развивающимися экономиками. Примечательно, что в китайских научных кругах также получила развитие идея о возникновении нового механизма в системе глобального управления — БРИКС, вполне сопоставимого по значимости с «Группой семи»³. БРИКС рассматривается как важная консолидирующая общую позицию развивающихся стран сила в «Группе двадцати». На современном этапе в качестве важной внешнеполитической задачи Пекин видит содействие превращению «Группы двадцати» из временной платформы реагирования на мировой экономический кризис в постоянно действующий механизм глобального экономического управления, способный заменить «Группу семи».

На волне мирового экономического кризиса 2008 г. Китай расширил свое участие в международных финансовых вопросах и путем присоединения к важным устанавливающим международные финансовые стандарты институтам: Совету по финансовой стабильности, Базельскому комитету по банковскому надзору, Комитету по глобальной финансовой системе Банка международных расчетов.

Стремление Китая преодолеть заданную Дэн Сяопином пассивность китайской внешней политики, «выйти из тени» и начать играть значимую роль в глобальном экономическом управлении приобрело более акцентированный характер с приходом к власти в Китае в 2013 г. Си Цзиньпина. На церемонии открытия саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. Си Цзиньпин указал на то, что «ввиду роста своей комплексной национальной мощи Китай может и желает предоставлять больше общественных благ АТР и всему миру»⁴. В 13-м пятилетнем плане (2016–2020 гг.) зафиксированы намерения Пекина активно участвовать в глобальном экономическом управлении и создании глобальных общественных благ, добиваться большей роли в институтах глобального экономического управ-

-
1. *He Yafei*. China's new role in global governance. 14.09.2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/chinas-new-role-in-global-governance> (accessed 10 September 2019).
 2. *He A.* China in the G20 summitry: review and decision-making process // CIGI papers. 2014. No. 46. P. 2.
 3. *Цзя Цзиньпин*. Страны БРИКС и G20 // Китай. 2017. № 7. С. 5.
 4. Speech at the opening ceremony of the APEC CEO Summit. 7.11.2014. URL: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23809/23814/27094/index.html> (accessed 19 October 2018).

ления¹. Практическими воплощениями этих намерений стали создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития, инициирование и реализация инициативы «Пояс и путь». Эти три начинания позиционируются Китаем в качестве ключевых усилий по созданию общественных благ, восполняющих пробелы в глобальном экономическом управлении. А инициатива «Пояса и пути» преподносится как новая модель регионального и глобального сотрудничества, продвигающая экономическую глобализацию, содействующая совершенствованию глобального экономического управления и оптимизации миропорядка.

Китай и глобальное управление в сфере безопасности

Проявляя высокую активность в вопросах глобального экономического управления, Пекин пока несколько менее активен и инициативен в сфере глобального управления безопасностью. Связано это с целым рядом факторов: отсутствием опыта в этой сфере, особым пониманием государственного суверенитета и отстаиваемым Пекином принципом невмешательства во внутренние дела, нежеланием брать на себя обязательства в сфере безопасности, превышающие текущие возможности Китая, а также все еще ограниченными способностями КНР проецировать свою военно-политическую мощь². Объективно, ввиду аккумулированной Китаем внушительной финансово-экономической мощи, он обладает несопоставимо большими возможностями для участия в глобальном экономическом управлении. Так, опираясь на свою значительную финансовую мощь, Китай может содействовать мировой финансово-экономической стабильности и росту, предоставлять масштабную помощь развивающимся странам, вносить свой вклад в решение экологических проблем путем расширения своих обязательств в области сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу, способствовать инновационно-технологическому мировому развитию путем углубления собственных НИОКР и пр.

Ключевым механизмом современной системы глобального управления, как следует из многочисленных заявлений китайских высокопоставленных лиц, является ООН как наиболее репрезентативная международная организация, играющая незаменимую роль в международном сотрудничестве в вопросах обеспечения глобальной и региональной безопасности. Китайские официальные представители регулярно выступают с заявлениями о необходимости укрепления авторитета ООН, повышения ее эффективности и способности отвечать на новые угрозы и вызовы. ООН — одна из немногих организаций, где Китай, благодаря своему статусу постоянного члена Совета Безопасности, имеет привилегированное положение.

Последние двенадцать лет (2007–2019) происходят значительные изменения в участии Китая в работе ООН. *Во-первых, по мере аккумулирования экономической мощи, Китай уверенно увеличивает взносы в бюджет ООН.* Доля Китая в общем бюджете ООН возросла с 1,5% в 2001 г. до 12% в 2019 г., или с 16 до 335 млрд долл. в абсолютном выражении³. Крупнейшие увеличения взносов Китая в общий бюджет ООН произошли в

1. The 13th five-year plan for economic and social development of the People's Republic of China (2016–2020). URL: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf> (accessed 17 June 2018).
2. Так, например, главным аргументом Китая, объясняющим его нежелание заключать какие-либо договоры об ограничении стратегических ядерных вооружений, является сильное отставание от ведущих ядерных держав в этой сфере.
3. Assessment of member states' contributions to the United Nations regular budget for the year 2019. URL: <https://www.un.org/en/ga/contributions/budget.shtml> (accessed 19 September 2019).

2007, 2013 и 2019 г., когда его взносы возросли соответственно с 35 до 53 млрд долл., с 75 до 131 млрд долл. и со 193 до 335 млрд долл. Если в 2001 г. Китай занимал 13-ю позицию в списке крупнейших доноров ООН (после США, Японии, Германии, Франции, Великобритании, Италии, Канады, Испании, Бразилии, Нидерландов, Республики Корея и Австралии), то в 2019 г. он уверенно переместился на 2-ю позицию после США, впервые обойдя по этому показателю Японию.

Более того, в ООН Китай переместился на 2-ю позицию в списке крупнейших доноров не только в общий бюджет, но и в бюджет на операции по поддержанию мира. Взносы Китая на миротворческие операции за последние несколько лет стремительно увеличились: если в 2013–2015 гг. Китай с долей 6,6% занимал лишь 6-е место среди финансовых доноров миротворческих операций ООН после США (28,4%), Японии (10,8%), Франции (7,2%), Германии (7,1%) и Великобритании (6,7%), то в 2016–2018 гг. Китай с долей 10,3% занял 2-е место среди крупнейших доноров после США (28,5%)¹.

Расширение китайской финансовой поддержки международных организаций проявляется не только в случае с ООН. Увеличение вклада в бюджеты международных организаций Пекин рассматривает как важный канал расширения своей роли в глобальном управлении.

Второе изменение в участии Китая в работе ООН нашло отражение в изменении линии поведения Китая в этой организации: он демонстрирует инициативность и готовность отстаивать собственные интересы и позицию в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее. Так, с 2007 г. в ходе голосований при принятии резолюций в Совете Безопасности ООН Китай стал чаще использовать право вето: если с момента восстановления своего членства в ООН в 1971 г. по 2007 г. Китай применял вето только три раза, в период с 2007 г. по январь 2020 г. — целых одиннадцать раз². Пекин стал проявлять возрастающую готовность идти в оппозицию Западу и, в частности, США в случаях, когда затрагиваются его интересы.

Третье изменение в участии Китая в работе ООН проявляется в активизации его в миротворческих операциях, что находит отражение не только в увеличении взносов на финансирование миротворческой деятельности, но и военного контингента и наблюдателей КНР в составе миротворческих миссий. На протяжении 1990-х годов китайский миротворческий контингент исчислялся десятками, реже — сотнями человек. Резкий количественный скачок в численности китайских миротворцев произошел в 2004 г., ставши рубежным, после которого численность китайских миротворцев преодолевает отметку в 1000 человек, а Китай становится крупнейшей страной среди постоянных членов Совета Безопасности ООН по численности миротворческого контингента. Уже на протяжении полутора десятилетий КНР неизменно сохраняет за собой этот статус. На конец января 2020 г. миротворческий контингент Китая насчитывал 2544 миротворца, Франции — 732, Великобритании — 573, России — 78, США — 30³. Китайские высокопоставленные официальные лица и отдельные китайские эксперты нередко обращаются к росту численности китайских миротворцев для демонстрации возросшей международной ответственности Китая и его более активного участия в глобальном управлении.

1. Шкала взносов для распределения расходов на операции Организации Объединенных Наций по поддержанию мира. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№15/459/64/PDF/№1545964.pdf?OpenElement> (accessed 19 September 2019).
2. Security Council — veto list. URL: <https://research.un.org/en/docs/sc/quick> (accessed 18 September 2019).
3. Ranking of contributions by country (as of 31 January 2020). URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed 15 February 2020).

Расширение участия Китая в миротворчестве позволяет ему решать важные внешнеполитические задачи: демонстрировать возрастающую международную ответственность и свой вклад в поддержание глобальной и региональной стабильности, укреплять свой международный имидж, расширять влияние в мире, углублять участие в глобальном управлении, обеспечивать защиту собственных интересов в регионах и странах, где находятся миротворческие миссии ООН. Усиливающаяся критика со стороны США в адрес ООН, выход Вашингтона из ЮНЕСКО и Совета ООН по правам человека, намерения Д. Трампа существенно сократить финансирование Соединёнными Штатами международных организаций (в т.ч. взносы в общий бюджет ООН и на миротворческую деятельность) открывают для Китая окно возможностей для расширения его роли в сфере миротворчества и в деятельности ООН в целом.

Современный этап участия Китая в глобальном управлении

Начало современного — шестого — этапа участия Китая в глобальном управлении можно условно датировать 2016–2017 гг. Именно с этого времени весьма отчетливо начинает проявляться изменение внешнеполитической линии КНР в глобальном управлении — происходит смещение фокуса активности Китая со стимулирования реформирования этой системы к принятию на себя роли государства, направляющего реформирование. На состоявшемся в марте 2017 г. семинаре, посвященном деятельности в области государственной безопасности, Си Цзиньпин открыто указал, что Китай должен *направлять* (引导, *иньдао*) мировое сообщество в вопросах совместного создания более разумного и справедливого нового международного порядка, совместного обеспечения международной безопасности¹. В ходе «центрального совещания» по работе в области внешнеполитической деятельности, состоявшегося в июне 2018 г., Си Цзиньпин также указал, что в своей внешнеполитической деятельности Пекин должен «*направлять* (引领, *иньлин*) реформу глобального управления на основе концепции честности и справедливости»².

Намерение Китая занять активную позицию и, возможно, играть ключевую роль в глобальном экономическом управлении нашло отражение и в выступлении Си Цзиньпина на саммите «Группы двадцати» в г. Ханчжоу в сентябре 2016 г. Развернутые обоснования китайской заявки на лидерство содержались в выступлении Председателя КНР на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г. В штаб-квартире ООН в Женеве в январе 2017 г. Си изложил продвигаемую Китаем концепцию создания сообщества единой судьбы человечества. Выступая в поддержку открытой мировой экономики, экономической глобализации, верховенства закона и многостороннего подхода к урегулированию глобальных и региональных проблем, Пекин взял на себя роль ответственной великой державы, готовой играть роль лидера в формировании нового мирового порядка, базирующегося, по его утверждению, на верховенстве закона, многостороннем подходе и открытости мировой экономики.

1. 习近平主持召开国家安全工作座谈会. [Си Цзиньпин председательствует на открытии семинара по работе в области госбезопасности] // Xinhua Net. 17.02.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-02/17/c_1120486809.htm (accessed 06 March 2019).
2. 习近平外交思想引领中国特色大国外交开创新局面. [Дипломатические идеи Си Цзиньпина создают новую ситуацию в дипломатии великой державы с китайской спецификой]. 25.06.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2018-06/25/c_1123029499.htm (accessed 06 March 2019).

Запущенный Великобританией процесс «брекзита» и заявленная Д. Трампом в первые месяцы его нахождения на посту президента США изоляционистская политика (односторонний выход США из ряда международно-правовых режимов и международных организаций), которые можно трактовать как отражение падения заинтересованности и способности Запада поддерживать существующий миропорядок и активно участвовать в мировых делах, в определенной степени подтолкнули Си Цзиньпина к занятию более активной внешнеполитической линии в вопросах глобального управления и формирования нового миропорядка. Во-первых, поскольку поступательный экономический рост Китая напрямую зависел от дальнейшего развития процессов экономической глобализации, Китай был вынужден выступить в роли гаранта глобализации на фоне отказа Вашингтона от выполнения этой функции. Во-вторых, действия самих США на мировой арене уже могли трактоваться как безответственные и подрывающие существующую международную систему. Например, такие, как выход Вашингтона из Парижского соглашения по климату, Транстихоокеанского партнерства, ЮНЕСКО и Совета ООН по правам человека, из Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы, из Договора о РСМД. В-третьих, в международной системе и глобальном управлении действиями Д. Трампа создавался определенный вакуум лидерства, что предоставляло Китаю уникальный исторический шанс.

Ратуя за реформу глобального управления, Пекин исходит из утверждения о том, что западный либеральный порядок плохо справляется с глобальными вызовами. КНР выступает за демократическое глобальное управление как антитезу гегемонии Запада или богатого Севера. Китайские официальные лица систематически указывают на то, что нынешняя система глобального управления не отражает новую расстановку сил в мировой экономике. Одним из ключевых направлений реформы глобального управления в Китае видят расширение прав и статуса развивающихся стран в этой системе. При этом в Пекине продолжают позиционировать Китай как развивающееся государство, стоящее в авангарде развивающегося мира и действующее в интересах развивающихся стран. Развитие отношений с развивающимися странами Пекин предпочитает характеризовать как «сотрудничество по линии Юг-Юг». На разнообразных международных площадках, включая Генеральную Ассамблею или Совет ООН по правам человека, Китай позиционирует себя защитником интересов развивающихся государств.

В реформировании системы глобального управления Пекин руководствуется задачами недопущения свертывания экономической открытости и процессов глобализации, а также создания более благоприятных условий для развития развивающихся государств.

Пекин обращает внимание на ключевой принцип, который должен лежать в основе системы глобального управления, — принцип государственного суверенитета, призванный служить гарантом свободы и равенства развивающихся государств. Этот принцип находит отражение в совершенно разных сферах деятельности, включая те, которые ранее не попадали в «поле зрения» глобального управления. Так, сталкиваясь с жесткой критикой осуществляемого Китаем регулирования национального сегмента Интернета со стороны западных стран и продвигаемым Западом в мировой дискурс принципом свободы Интернета, в целях обоснования и международной легитимизации собственных мер в области регулирования Интернета Пекин активно продвигает принцип уважения киберсуверенитета в вопросах глобального управления им. В своем выступлении на церемонии открытия второй всемирной конференции по развитию Интернета в декабре 2015 г. Си Цзиньпин заявил: «Мы должны уважать право каждой страны независимо выбирать собственный путь развития Интернета, модель управления киберпространством и

политику в сфере Интернета...Ни одна страна не должна преследовать цель установления гегемонии в киберпространстве, вмешиваться во внутренние дела других государств или участвовать и поддерживать кибердеятельность, подрывающую национальную безопасность других стран»¹.

Китай предпринимает попытки закрепления принципа государственного суверенитета и в международном правозащитном дискурсе, предлагая собственную интерпретацию прав человека. Так, например, в 2017 г. усилиями КНР в Пекине был проведен первый Форум по правам человека «в формате Юг-Юг». В приветственном послании участникам Форума Си Цзиньпин сформулировал китайское видение развития прав человека в мире, которое имеет существенные отличия от западного. Си указал, что защита прав человека должна осуществляться только с учетом реалий каждой страны и потребностями ее населения, и в сфере прав человека развивающимся странам следует придерживаться принципа «универсальности при наличии собственной специфики»². Подобные представления Пекин продвигает и на более крупных международных площадках. Так, в июне 2017 г. и марте 2018 г. Китай выдвинул и провел в Совете ООН по правам человека две резолюции, в одной из которых содержалась идея о необходимости сохранения баланса между правами человека и потребностями экономического развития государства, а в другой содержался призыв к странам обращаться к решению проблем прав человека посредством «взаимовыгодного сотрудничества». В мартовской резолюции также говорилось о том, что при оценке ответственности государства в области прав человека необходимо учитывать национальные и региональные особенности, различный исторический, культурный и религиозный фон³.

В целом Китай намерен предложить миру отличную от разрабатываемых на Западе⁴ концепцию глобального управления с китайской спецификой. В письменном интервью для издания *The Wall Street Journal* Си Цзиньпин указал на недопустимость единоличного контроля над системой глобального управления и на то, что эта система должна основываться на совместном строительстве и совместном использовании результатов⁵.

Заключение

В китайском официальном и экспертном дискурсе прочно закрепилось некогда чуждое китайцам понятие «глобальное управление». Расширение роли в нем Пекина, реформирование системы глобального управления и принятие на себя в этом процессе роли ведущего, а не ведомого, стали одними из приоритетных внешнеполитических задач

1. Remarks by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the opening ceremony of the Second world Internet conference. 16.12.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1327570.shtml (accessed 06 September 2019).
2. Си Цзиньпин направил приветственное послание на I форум по правам человека развивающихся стран. 07.12.2017. URL: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20171207/61818.html> (accessed 17 September 2019).
3. Hart M., Johnson B. Mapping China's global governance ambitions. 28.02.2019. P. 16. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2019/02/28/466768/mapping-chinas-global-governance-ambitions/> (accessed 11 July 2019).
4. Войтоловский Ф.Г. Идеология «глобального управления»: от утопий к практике // *Международная жизнь*. 2011. № 9. С. 69–94.
5. Жуань Цзунцзэ. Китайский план ускоряет трансформацию глобального управления. 04.01.2017. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-01/04/content_40037358.htm (accessed 20 August 2019).

современного Китая. Ключевыми направлениями усилий по активизации своей роли в глобальном управлении в Китае видят расширение его международной ответственности, создание глобальных и региональных общественных благ, выдвижение новой повестки дня для мирового сообщества, различных международных инициатив, увеличение финансирования международных организаций, проведение в Китае крупных международных мероприятий (так называемая дипломатия саммитов), формирование «группы поддержки» среди развивающихся и отдельных развитых стран и пр.

Особенность китайского подхода к глобальному управлению на нынешнем этапе — это акцентированное внимание на его экономическом аспекте. В экономической сфере Китай переходит от уважения к формулированию новых правил, стандартов и норм, от участия в традиционных системообразующих институтах в качестве рядового члена — к занятию более весомой роли в этих институтах и созданию новых международных институтов. К реформированию системы глобального управления Пекин подходит творчески, предлагая все новые и новые инициативы и идеи.

Китай наращивает свое участие в международном сотрудничестве в таких сферах, как противодействие бедности, борьба с голодом, содействие развитию развивающихся стран, здравоохранение, образование, экология и предупреждение климатических изменений, разрешение конфликтов и миротворчество, борьба с пиратством и т.д.

На протяжении первых трех десятилетий после начала осуществления в Китае политики «реформ и открытости», предпочитавший занимать пассивную внешнеполитическую линию и брать на себя ограниченную международную ответственность, после мирового экономического кризиса 2008 г. и, в особенности, с приходом к власти в 2013 г. Си Цзиньпина и изменением международной ситуации, связанной с воцарением в Белом доме администрации Д. Трампа, Китай стал проявлять все возрастающую активность в вопросах реформирования системы глобального управления вплоть до демонстрации намерений занять в ней ключевое место. Первоначально мотивированный задачей обеспечения дальнейшего экономического роста, предполагавшего корректировку системы глобального экономического управления в направлении ее большего учета интересов Китая, Пекин взял курс на создание китаецентричной системы, глобального дискурса, базирующегося на задаваемых им нормах, правилах и привлекаемых институтах.

Признавая впечатляющие успехи, достигнутые Китаем в предшествующие несколько десятилетий как в социально-экономическом развитии, так и в исполнении более весомой роли в мировых делах, нельзя не выразить некоторых сомнений. «Период важных стратегических шансов» (重要战略机遇期) — термин, введенный в 2002 г. на XVI съезде КПК тогдашним Председателем КНР Цзян Цзэмином для характеристики благоприятно складывавшейся для Китая международной обстановки, очевидно, уже завершен. Теперь китайскому руководству придется реализовывать свои внешнеполитические инициативы в условиях значительно осложнившейся, турбулентной международной ситуации и недружественного отношения со стороны сильнейшей мировой супердержавы — США.

Список литературы

1. Assessment of member states' contributions to the United Nations regular budget for the year 2019. URL: <https://www.un.org/en/ga/contributions/budget.shtml> (accessed 19 September 2019).
2. *Chan G.* China's compliance in global affairs: trade, arms control, environmental protection, human rights. Singapore: World Scientific Publishing, 2006.
3. *Hart M., Johnson B.* Mapping China's global governance ambitions. 28.02.2019. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2019/02/28/466768/mapping-chinas-global-governance-ambitions/> (accessed 11 July 2019).
4. *He A.* China in the G20 summitry: review and decision-making process // CIGI papers. 2014. No. 46.
5. *He Yafei.* China's new role in global governance. 14.09.2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/chinas-new-role-in-global-governance> (accessed 10 September 2019).
6. *Kennedy Sc.* Global governance and China: the dragon's learning curve. New York: Routledge, 2018.
7. Liu Hongsong. China's proposing behavior in global governance: the cases of the WTO Doha round negotiation and G-20 process // Rev. Bras. Polit. int. 2014. Vol. 57. P. 121. DOI: 10.1590/0034-7329201400208.
8. Multilateral treaties to which China is a party or which China has signed (1875–2000). URL: <http://www.china-un.org/eng/zghlhg/flsw/t28583.htm> (accessed 01 May 2019).
9. Ranking of contributions by country (as of 31 January 2020). URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed 15 February 2020).
10. Remarks by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the opening ceremony of the Second world Internet conference. 16.12.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1327570.shtml (accessed 06 September 2019).
11. Security Council — veto list. URL: <https://research.un.org/en/docs/sc/quick> (accessed 18 September 2019).
12. Speech at the opening ceremony of the APEC CEO Summit. 7.11.2014. URL: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23809/23814/27094/index.html> (accessed 19 October 2018).
13. The 13th five-year plan for economic and social development of the People's Republic of China (2016–2020). URL: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf> (accessed 17 June 2018).
14. *Xie Zhihai.* The rise of China and its growing role in international organizations // ICCS Journal of Modern Chinese Studies. 2011. Vol. 4 (1).
15. *Войтоловский Ф.Г.* Идеология «глобального управления»: от утопий к практике // Международная жизнь. 2011. № 9.
16. Глобальное управление: возможности и риски /под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
17. *Грант Ч.* Россия, Китай и проблемы глобального управления. Москва: Моск. Центр Карнеги, 2012. С. 89–90; *Kan Sh.* China and proliferation of weapons of mass destruction and missiles: policy issues. CRS report. 5.01.2015. URL: <https://china.usc.edu/sites/default/files/legacy/AppImages/crs-2015-china-weapons-proliferation.pdf> (accessed 17 September 2019).
18. *Жуань Цзунцзэ.* Китайский план ускоряет трансформацию глобального управления. 04.01.2017. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-01/04/content_40037358.htm (accessed 20 August 2019).
19. *Лексютина Я.В.* Функциональные изменения участия Китая в многосторонних банках развития: от заемщика к кредитору // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 80–98. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-05.
20. *Портяков В.Я.* О современной внешней политике КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1.
21. Си Цзиньпин направил приветственное послание на I форум по правам человека развивающихся стран. 07.12.2017. URL: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20171207/61818.html> (accessed 17 September 2019).
22. Участие Китая в многосторонних механизмах режима нераспространения ядерного оружия. URL: <https://www.pircenter.org/static/uchastie-kitaya-v-mnogostoronnih-mehanizmah-rezhima-nerasprostraneniya-yadernogo-oruzhiya> (accessed 09 September 2019).
23. Цзя Цзиньцзин. Страны БРИКС и G20 // Китай. 2017. № 7.

24. Шкала взносов для распределения расходов на операции Организации Объединенных Наций по поддержанию мира. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/№15/459/64/PDF/№1545964.pdf?OpenElement> (accessed 19 September 2019).
25. 习近平主持召开国家安全工作座谈会. (Си Цзиньпин председательствует на открытии семинара по работе в области госбезопасности) // Xinhua Net. 17.02.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2017-02/17/c_1120486809.htm (accessed 06 March 2019).
26. 习近平外交思想引领中国特色大国外交创新局面. (Дипломатические идеи Си Цзиньпина создают новую ситуацию в дипломатии великой державы с китайской спецификой). 25.06.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2018-06/25/c_1123029499.htm (accessed 06 March 2019).

Ya. Leksyutina. China's Involvement in Global Governance: Major Stages and Current Stage

As China's national comprehensive power, capabilities, and international ambitions have grown, its foreign policy has also overcome transformation to also include the goal to expand China's participation in global governance. In its involvement in global governance, from its very establishment in 1949 the PRC has gone through six major stages. From alienation and distancing itself from the international system and global governance in 1950s through 1970s, China has turned to fully integrate itself into the international system by 2001, and eventually to become a great power seeking to not only promote the reform of global governance but to lead this reform. The article identifies and characterizes major stages in China's involvement in global governance over the past seven decades, and pays special attention to China's post 2008 world economic and financial crisis' foreign policy. It traces Beijing's participation in the international organizations, the record of China's involvement in various international regimes, and Beijing's compliance with international norms and rules. The article demonstrates key features in Beijing's vision for the global governance system, and examines shifts in Chinese participation in both global economic governance and global security governance. The article shows major channels that Beijing uses to bring about changes in the global governance system and to enhance China's influence in the system.

Key words: global governance, China, international system, world order, international responsibility, China's rise.